

17

28 ОКТ. 1934

ВЧЕРА Я БЫЛ В МУЗКОМЕДИИ ПИСЬМО ЗРИТЕЛЯ

Ванавас поднят. Тысячи пар глаз устремлены на сцену. Зритель старается угадать значение сложной монтровки спектакля, наслаждаясь предвкушением чего-то нового, интересного. Но это только в начале, а чем дальше, тем хуже...

Я сам слышал, как один рабочий с нашего завода, выходя из Музкомедии, говорил своему приятелю:

— Ну, что мне дал этот спектакль? Пришел и хоть усталый, но веселый. Осмотрел, слушал шаблонные остроты, скучал. Зря потерял вечер, не получив никакой внутренней зарядки на предстоящую рабочую неделю...

Рабочий зритель прав. Что он получает в Музкомедии Нардома?

Взять, например, такой элемент спектакля, как масса—хор. Как только появляется на сцене Музкомедии хор, образу же художественность спектакля резко понижается. Кто эти люди в возрасте от 20—45 лет?—По их костюмам, вы ни за что не сможете определить, где, в какую эпоху, в какой части света происходит действие...

Хор стоит и наблюдает, как играют главные персонажи спектакля. Лица у хористов неподвижные, обращены в публику, если делается какой-либо жест, то у всех одинаково невыразительный и в каждом спектакле один и тот же.

Если ваше место в партере, вы увидите, как во время действия какие-то люди овеободно прохаживаются между кулисами и выглядывают оттуда; если за кулисами переводят прожек, то делается это так неумело, что на время просвечивают все декорации и т. п.

Когда же наконец Музкомедия порвет с традиционной расхлябанностью, свойственной буржуазной оперетке, и даст нам настоящую, советскую оперетку с тематикой, отражающей нашу социалистическую стройку, нашу борьбу на фронтах сельского хозяйства, индустриализации, науки, техники и искусства.

БРАЛИШЕВ